

Соловьев Владимир Сергеевич

Религиозные основы жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Религиозные основы жизни / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 210 с.

ISBN 978-5-519-74667-0

ISBN 978-5-519-74667-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

всемірномъ и всемирномъ единеніи. Это единеніе такъ или иначе, вольно или невольно признается всѣми ищущими истину. Спросите естествоиспытателя и онъ скажетъ, что истина міра въ единствѣ всемірнаго механизма; спросите отвлеченнаго философа и онъ скажетъ, что истина міра въ единствѣ логической связи, обнимающей всю вселенную. Полная же истина міра — въ живомъ его единствѣ, какъ одухотвореннаго и богоноснаго тѣла. Въ этомъ истина міра и въ этомъ же красота его. Когда многообразіе чувственныхъ явленій слаживается во едино, этотъ видимый ладъ ощущается нами какъ красота (*космос*—міръ, ладъ, краса).

Итакъ, въ высшемъ смыслѣ міра (какъ *мира*) соединяется, все, чего мы ищемъ: и благо и истина и красота. Не возможно, чтобы всеобъемлющій смыслъ міра былъ только въ нашей мысли. То единство, которымъ держится и связывается вселенная, не можетъ быть только отвлеченной идеей. Оно есть живая личная сила Божія и всеединящая сущность этой силы открывается намъ въ богочеловѣческомъ лицѣ Христа, въ Немъ же вся полнота Божества обитаетъ тѣлесно. Помимо Христа Богъ не имѣетъ для насъ живой дѣйствительности. Къ Христу тяготѣетъ и вся наша личная религія, на Немъ же основана и общая вселенская религія.

Богъ не имѣетъ для насъ дѣйствительности помимо Богочеловѣка Христа, но и Христосъ не можетъ быть для насъ дѣйствительнымъ, если Онъ остается только историческимъ воспоминаніемъ: Онъ долженъ откры-

ваться намъ не въ прошедшемъ только, но и въ настоящемъ; и это настоящее откровеніе должно быть независимо отъ нашей личной ограниченности. Такая независимая отъ нашей ограниченности дѣйствительность Христа и Его жизни дана намъ въ Церкви. Тѣ, которые думаютъ, что Христосъ открывается имъ лично и непосредственно, помимо Церкви, навѣрное *не готовы* къ такимъ откровеніямъ и принимаютъ за Христа фантазмы собственного воображенія. Мы должны искать Христа не въ своей личной сферѣ, а въ Его собственной вселенской сферѣ, которая есть Церковь.

Церковь сама по себѣ въ своей истинной сущности представляетъ *божественную* дѣйственность Христа на землѣ. Но въ лицѣ Христа Божество сочетало съ собою и чисто-человѣческое и природное начало. Это сочетаніе трехъ началъ, совершившееся въ лицѣ духовнаго человѣка Иисуса Христа *индивидуально*, должно совершиться *соціально* въ одухотворенномъ чрезъ Него челоуѣчествѣ. Чисто-человѣческая свободная стихія общественной жизни, представляемая государствомъ, и природная стихія этой жизни, представляемая народомъ или землею, должны быть внутренне связаны или согласованы съ божественной стихіей, представляемой собственно Церковію. Церковь должна освящать и чрезъ посредство христіанскаго государства преобразовывать всю естественную, земную (или земскую) жизнь народа и общества.

Въ этомъ исполненіи общественной религіи находить свою полноту и наша личная религія. Личная молитва

должна опредѣляться и восполняться церковнымъ богодѣйствомъ; личное благотвореніе должно находить опору въ учрежденіяхъ христіанскаго государства и чрезъ нихъ связываться съ благотворительностію общественною; наконецъ лишь христіанская организація матеріальной (экономической) жизни можетъ дать намъ средства, чтобы существенно исправить наше отношеніе къ земной природѣ, чтобы достигнуть благотворнаго вліянія на всю тварь, которая по нашей винѣ страдаетъ и мучится донынѣ. Насколько мы неправдою своей воли участвуемъ въ неправдѣ окружающей насъ дѣйствительности, настолько же и наше исправленіе улучшаетъ эту дѣйствительность. Во всякомъ же случаѣ въ нашей волѣ—опираясь на помощь Божію исполнять долгъ совѣсти во всѣхъ дѣлахъ своихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, частныхъ и общественныхъ.

Итакъ, личная и общественная религія въ тѣснѣйшей связи между собою обращаются къ каждому человѣку съ такими заповѣдями: *молись Богу, помогай людямъ, воздерживай свою природу; признавай божественную дѣйствительность въ Церкви и старайся по возможности проводить ее во всѣхъ области человѣческой и природной жизни, чтобы сомкнулась чрезъ насъ богочеловѣческая цѣпь мірозданія, чтобы небо сочеталось съ землею.*

.

.

РЕЛИГИОЗНЫЯ ОСНОВЫ ЖИЗНИ.

ВСТУПЛЕНИЕ: О ПРИРОДѢ, О СМЕРТИ И ГРѢХѢ; О ЗАКОНѢ И БЛАГОДАТИ.

Два близкія между собою желанія, какъ два невидимыя крыла, поднимають душу человѣческую надъ остальной природой: желаніе *безсмертія* и желаніе *правды*, или нравственнаго совершенства. Одно безъ другаго не имѣетъ смысла. Безсмертная жизнь, отдѣленная отъ нравственнаго совершенства, не есть благо: мало быть безсмертнымъ,—должно еще стать *достойнымъ* безсмертія чрезъ исполненіе всякой правды; но также и совершенство подверженное гибели и уничтоженію не есть истинное благо. Безсмертное существованіе внѣ правды и совершенства будетъ вѣчнымъ мытарствомъ, а праведность лишенная безсмертія будетъ вопіющей неправдой, безмѣрной обидой.

Но ежели наша душа своею лучшею стороною желаетъ вмѣстѣ и безсмертія и правды, то на дѣлѣ въ порядкѣ природы мы лишены и того и другаго. Предоставленный самому себѣ человѣкъ не можетъ уберечь ни своей жизни, ни своего нравственнаго достоинства, онъ не въ силахъ избавить себя ни отъ тѣлесной, ни отъ духовной смерти.

Мы по природѣ своей хотимъ жить всегда, но законъ земной природы не даетъ намъ вѣчной жизни, оставляя насъ при одномъ желаніи. Мы по разуму и совѣсти ищемъ правды, но законъ человѣческаго разума и голоса совѣсти, обличая нашу неправду, не даетъ намъ силъ исполнить правду и не дѣлаетъ насъ достойными безсмертія.

Два непримиримые врага нашей высшей природы, *грѣхъ* и *смерть*, въ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ между собою держатъ насъ въ своей власти. Двумъ великимъ желаніямъ—безсмертія и правды противустоятъ два великіе факта: неизбѣжное владычество смерти надъ всякою плотью и несокрушимое господство грѣха надъ всякою душою. Мы только *хотимъ* подняться надъ остальною природой,—смерть сравниваетъ насъ со всею землею тварью, а грѣхъ дѣлаетъ насъ хуже ея.

По закону природы человѣкъ страдаетъ и гибнетъ, а законъ разума не въ силахъ спасти его.

Мы родимся и живемъ со множествомъ влеченій и потребностей; мы ихъ въ себѣ находимъ—и ищемъ ихъ удовлетворенія. Это есть *путь природы*. Но природа человѣка тройственна и снабжаетъ его троякаго рода потребностями: *животными*, *умственными* или *головными* и *сердечными*. Ибо, во первыхъ, мы хотимъ *сохранять* и *увѣковѣчивать* свою жизнь; затѣмъ мы стараемся посредствомъ нашего ума *познавать* или мысленно воспроизводить свою и чужую жизнь; далѣе мы непремѣнно желаемъ расширять и *улучшать* свою и чужую жизнь, желаемъ, чтобы все существующее было какъ можно болѣе достойно существованія.

Прежде всего намъ нужно *жить*, потомъ *познавать жизнь* и наконецъ *исправлять жизнь*.

Потребности животной природы, т.-е. сохраненія жизни, суть конечно самыя основныя, самыя настоятельныя и непререкаемыя; ибо если не будетъ жизни, то ни познавать, ни исправлять будетъ некому и нечего.

Животныя потребности и отправления сводятся къ двумъ главнымъ: къ *питанію* для временнаго поддержанія жизни въ особи и къ *размноженію* для увѣковѣченія жизни въ родѣ. *Основаніе* всей животной жизни есть питаніе, *цѣль* ея размноженіе. Еслибы особь не питалась, то она не могла бы размножаться, но еслибы она не размножалась, то ей не для чего было бы и питаться. Жизненная задача животнаго исполнена, когда оно вывело и выкормило свое потомство: все остальное въ его существованіи служить для него лишь средствомъ къ этой цѣли.

Каждое поколѣніе и въ немъ каждая особь существуетъ лишь затѣмъ, чтобы породить свое потомство, но и это послѣднее существуетъ только для того, чтобы произвести слѣдующее за нимъ поколѣніе. Значить каждое поколѣніе имѣетъ смыслъ своей жизни только въ слѣдующемъ, т.-е. другими словами жизнь *каждаго* поколѣнія безсмысленна; но если безсмысленна жизнь *каждаго*, то значитъ—безсмысленна жизнь *всѣхъ*.

Это безсмысленное существованіе называется „жизнью рода“. Но есть ли это въ самомъ дѣлѣ *жизнь*? Если каждое поколѣніе существуетъ только для того, чтобы погибнуть съ появленіемъ новаго, которому въ свою очередь предстоитъ такая же гибель, и если родъ живетъ только въ такихъ непрерывно гибнущихъ поколѣніяхъ, то жизнь рода есть постоянная смерть; и путь природы есть явный обманъ. Цѣль здѣсь для *каждаго* полагается въ чемъ-то другомъ (въ потомствѣ), но и это другое само такъ же безцѣльно, и его цѣль опять—въ другомъ

и такъ далѣе безъ конца. Настоящей цѣли нигдѣ не находится, все существующее безцѣльно и бессмысленно какъ неисполнимое стремленіе.

Родовая потребность есть потребность вѣчной жизни, но вмѣсто вѣчной жизни природа даетъ вѣчную смерть. Ничто не живетъ въ природѣ, все только стремится жить и вѣчно умираетъ. Поэтому когда говорятъ чело-вѣку: удовлетворяй потребностямъ и влеченіямъ природы, это единственный путь къ блаженству,—то эти слова не имѣютъ никакого смысла; ибо первая и основ-ная потребность,—сохранять свое существованіе, жить всегда,—остается неудовлетворенной путемъ природы. Когда на вопросъ: для чего мы живемъ, какая цѣль нашей жизни? отвѣчаютъ, что жизнь имѣетъ цѣль сама въ себѣ, что мы живемъ для самой жизни, то и эти слова не имѣютъ смысла, ибо именно *самой*-то жизни мы и не находимъ нигдѣ, а вездѣ только порывъ и переходъ къ чему-то другому, и только въ одной смерти постоянство и неизмѣнность.

Власть смерти, тяготящая надъ нашимъ животнымъ существованіемъ и превращающая его въ напрасный *порывъ*, не есть что-нибудь случайное. Нашъ умъ, расширяя опытное познаніе нашей собственной природы въ науку о природѣ всего міра, показываетъ намъ, что смерть царствуетъ не только въ нашемъ тѣлѣ, но и въ тѣлѣ вселенной. Царство природы есть царство смерти. Науки изучающія настоящую и прошедшую жизнь земнаго шара (біологія, геологія) показываютъ намъ, что не однѣ особи умираютъ, но что вымираютъ и цѣлые роды существъ: онѣ рассказываютъ намъ далѣе про гибель цѣлыхъ образованій и степеней животнаго и растительнаго царства, а наука изучающая природу небесныхъ тѣлъ (астрономія) приводитъ насъ къ

заключенію, что цѣлые міры и собранія міровъ, образовавшись изъ безформеннаго и безвиднаго міроваго вещества, снова разлагаются и разсѣваются въ пространство и что прежде чѣмъ подобная участь постигнетъ нашъ солнечный міръ, земля и другія планеты мертвыми ледяными глыбами будутъ носиться кругомъ потухающаго солнца. Въ довершеніе всего наука, занимающаяся общими законами и свойствами вещественныхъ явленій (физика), приходитъ въ наиболѣе глубокомысленныхъ своихъ взглядахъ къ тому откровенію, что какъ всѣ явленія въ мірѣ суть лишь различные виды движенія, обусловленные *неравномѣрностью* того общаго движенія въ тѣлахъ, которое называется теплотою, и какъ это послѣднее непрерывно уравнивается, то при окончательномъ его уравниженіи всякія явленія въ мірѣ неизбѣжно прекратятся и вся вселенная разрѣшится въ одно безразличное и неподвижное бытіе *.

Удовлетворяя потребности нашей животной природы мы получаемъ въ концѣ смерть; удовлетворяя потребности нашего ума и познавая все существующее мы узнаемъ, что и для всего существующаго общій исходъ есть смерть, что вся вселенная есть только *царство смерти*. Стремясь жить мы умираемъ, и желая познать жизнь познаемъ смерть. Чувственность ведетъ насъ къ гибели, а умъ можетъ только подтверждать эту гибель какъ всеобщій міровой законъ.

И нашъ житейскій опытъ и научныя изслѣдованія ума обнаруживаютъ только одно: несостоятельность нашей жизни. И она несостоятельна не потому только, что

* Здѣсь я имѣю въ виду извѣстную теорію Томсона и Клаузіуса. Краткое изложеніе этой интересной теоріи можно найти у Гельмгольца въ его *Populäre wissenschaftliche Vorträge*.

подлежитъ гибели и не имѣетъ прочнаго бытія, но еще и потому, что она *не достойна* бытія. Мы не только сами гибнемъ, но и губимъ другихъ. Наша жизнь есть не только обманъ, но и зло. Желая жить мы не только сами умираемъ, но и другія существа умерщвляемъ. Свою жизнь сохранить мы не можемъ, но чужое существованіе можемъ разрушить и дѣйствительно разрушаемъ, питаемся чужою жизнью. А то, *для чего* мы это совершаемъ—сохраненіе нашей жизни, въ сущности призрачно, ибо наша жизнь и на мгновеніе не обезпечена, а современемъ навѣрно погибнетъ, сколько бы мы ни губили другихъ для ея спасенія. Итакъ наше животное самосохраненіе побуждаетъ насъ въ концѣ концовъ только къ безполезному *убійству*. Далѣе, питаемся чужими тѣлами, человѣкъ—животное отдаетъ себя во власть чуждыхъ силъ природы—слѣпаго родового влеченія, которое заставляетъ его жертвовать собою для мнимаго поддержанія родовой жизни путемъ размноженія. Если въ питаніи мы беремъ чужую жизнь для поддержанія своей, то здѣсь (въ половомъ дѣйствіи) мы отдаемъ свою жизнь для произведенія чужой жизни. И если бы мы чрезъ это могли произвести *истинную* жизнь, т.-е. такую, которая имѣла бы и силу существовать и была бы достойна существованія, тогда наша жертва собою для рода имѣла бы и смыслъ и нравственное достоинство; но такъ какъ путемъ размноженія мы можемъ произвести только такую же непрочную и злую жизнь какъ и наша и только размножаемъ обманъ и зло, то отдаваясь родовому влеченію мы въ концѣ концовъ совершаемъ только безполезное *самоубійство*.

Половая страсть обманываетъ человѣческое сердце призракомъ любви. Но она не есть любовь, а только невѣрное подобіе любви. Любовь есть внутренняя не-